

Научная статья

УДК 93+325.3

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-10-143-153

Индонезия – Япония – Голландия: треугольник исторической памяти

Сергей Викторович Гришачев

Национальный исследовательский университет –
Высшая школа экономики
Москва, Россия

Московский государственный институт
международных отношений – Университет
Москва, Россия

sgrishachev@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6039-9637>

Аннотация

В статье освещаются проблемы памяти, возникшие в результате японской оккупации Голландской Ост-Индии (совр. Индонезия) в 1942–1945 гг. Официальная оккупация стран Юго-Восточной Азии (ЮВА) проходила под лозунгами паназиатизма и освобождения местного населения от влияния западных колонизаторов. Однако довольно скоро выяснилось, что ее жертвами стали не только представители европейских метрополий – военнопленные и интернированные, но и местное население: в Индонезии в такое положение попали как собственно индонезийцы, так и представители группы *индише* – люди, рожденные от смешанных браков. Как следствие, в послевоенный период для Японии актуальным вопросом стало не только установление отношений с молодыми странами ЮВА, получившими независимость, но и с европейскими странами, владевшими данными территориями накануне оккупации. Поэтому в статье урегулирование проблем памяти анализируется в свете Японии с двумя другими акторами – бывшей метрополией, Голландией, и новым независимым государством, Индонезией. Процесс восстановления и нормализации отношений Японии с этими странами включал в себя признание вины и выплату компенсаций (или средств на восстановление послевоенной экономики) и совершение символических актов (примирительные визиты монархов и глав правительств, введение памятников). Кроме того, в статье освещаются усилия общественности и дипломатов, направленные на решение гуманитарных проблем, в частности попытки помочь пострадавшим людям найти если не материальную поддержку, то хотя бы признание общества по темам, табуированным долгие годы после войны.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23–18–00109)

Ключевые слова

Индонезия, Япония, Голландия, Голландская Ост-Индия, японо-индонезийские отношения, японо-голландские отношения, военнопленные, интернированные, *индише*, *дзанрю*: *ниппонхэй*.

Для цитирования

Гришачев С. В. Индонезия – Япония – Голландия: треугольник исторической памяти // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 10: Востоковедение. С. 143–153. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-10-143-153

Indonesia – Japan – Holland: Triangle of Historical Memory

Sergey V. Grishachev

National Research University – Higher School of Economics
Moscow, Russian Federation

Moscow State Institute of International Relations – University
Moscow, Russian Federation
sgrishachev@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6039-9637>

Abstract

The article deals with the memory issues that arose as a result of the Japanese occupation of the Dutch East Indies (modern Indonesia) in 1942–1945. Officially, the occupation of the Southeast Asian countries was held under the slogans of pan-Asianism and the liberation of the local population from the influence of Western colonizers. However, it soon became clear that its victims were not only representatives of European metropoles (POWs and internees), but also the local population: in Indonesia, both Indonesians themselves and members of the *Indish* group – people born into mixed marriages, found themselves in this situation. As a result, in the post-war period, a pressing issue for Japan was not only establishing relations with the young countries of Southeast Asia that had gained independence, but also with the European countries that owned these territories before the occupation. Therefore, this article analyzes the settlement of memory issues in connection with Japan and two other actors – the former metropolitan country, Holland, and the newly independent state, Indonesia. The process of restoring and normalizing relations between these countries included the admission of guilt and the payment of compensation (or funds for the restoration of the post-war economy) and the performance of symbolic acts (reconciliatory visits by monarchs and heads of government, the erection of monuments). In addition, the article highlights the efforts of the public and diplomats aimed at solving humanitarian problems, in particular, attempts to help the affected people find if not support, but at least recognition from society on subjects that had been taboo for many years after the war.

Acknowledgements

The research was supported by the Russian Science Foundation (project no. 23-18-00109)

Keywords

Indonesia, Japan, Netherlands, Dutch East Indies, Indonesia-Japan relations, Japan-Netherlands relations, POWs, internees, *Indishe, Zanryu: nipponei*

For citation

Grishachev S. V. Indonesia – Japan – Holland: Triangle of Historical Memory. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 10: Oriental Studies, pp. 143–153. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-10-143-153

При анализе проблем исторической памяти в Азии в XX в. в эпицентре внимания в первую очередь оказываются взаимоотношения Японии с соседними странами – КНР, странами Корейского полуострова, а также с Китайской Республикой (о. Тайвань). Это вполне логично, но если речь идет о комплексном исследовании памяти о Второй мировой войне в регионе в XX в., то полнота картины возможна, лишь когда подвергнуты анализу взаимоотношения и с другими странами и народами, ведь трагедия войны коснулась и Юго-Восточной Азии. Кроме того, нужно учитывать, что большинство этих территорий являлись колониальными владениями европейских государств – Великобритании (Малайя и Сингапур), Франции (Вьетнам, Лаос и Камбоджа), Голландии (Индонезия). И основными целями ударов японской армии в 1941–1942 гг. как раз были военные объекты европейских государств и США в регионе. Официально война велась в первую очередь с западными странами за освобождение народов Азии от европейских колонизаторов и американского капитала. При этом естественно, что жертвами в ходе этой борьбы становились не только европейцы или американцы, но также и представители местного населения, несмотря на паназиатскую идеологию¹.

¹ Китайский народ в рамках этой идеологии, безусловно, считался азиатским. Однако в отличие от стран – европейских колоний, в Китае окрепло и получило международное признание правительство Чан Кайши, чья самостоятельность раздражала японских политиков. Поэтому жестокому преследованию подверглись в годы войны не только жители собственно Китая, но и китайское население других стран Азии, питавшее симпатии к правительству Гоминьдана.

Как следствие, в послевоенный период для Японии не менее актуальным вопросом, чем восстановление отношений со странами ЮВА, стал вопрос о возмещении ущерба вышеуказанным западным странам. Процесс этот шел в своеобразном треугольнике, возникающем на пересечении памяти бывших колонизаторов, новых колонизаторов и местного населения.

При этом, предваряя разговор об исторической памяти, нужно иметь в виду, что история и память – это два абсолютно разных понятия. Память – это не само событие, а его позднейшая интерпретация, формирующаяся и эволюционирующая на протяжении последующих лет и десятилетий. Как писал Харальд Вельцер, воспоминание о коллективных исторических травмах и переработка их сильно зависят от того, каким образом эти воспоминания используются в настоящем. Будет ли то или иное событие вообще истолковано как травмирующее, зависит порой не столько от самого события, сколько от того, какое значение ему будет придано впоследствии [Вельцер, 2005, с. 40]. В связи с этим, предметом дальнейшего анализа является не столько острота самого травматического события (это предмет отдельного исследования), сколько формирование памяти о нем и его эксплуатация в общественном и медицинском пространстве страны, бывшей агрессором, и страны, бывшей жертвой.

Японская оккупация Голландской Ост-Индии стала явлением многофакторным, поэтому, прежде чем говорить о проблемах памяти, ставших следствием тех событий, необходимо вкратце дать характеристику самого периода с акцентом на положение групп, наибольшим образом пострадавших в эти годы.

Представители интеллигенции стран Азии, попавших в колониальную или полуколониальную зависимость от западных держав в начале XX в., всерьез обращали внимание на Японию как образец успешной модернизации восточной страны. При этом многих настораживало и даже отталкивало все более растущее влияние Японии в регионе. С приходом японских войск в 1942 г. в Индонезию, действительно, произошел ряд изменений, отменявших некоторые ограничения для местного населения, созданные голландскими властями. Однако самый существенный вопрос – вопрос о независимости или хотя бы автономии – не был за годы оккупации решен. Даже деление территории было подчинено не интересам гражданской жизни, а логике продолжающейся войны – Суматра и Ява входили в периметр ответственности армии, а большая, восточная часть находилась под управлением военно-морского флота.

Японская оккупация трагически сказалась прежде всего на военнопленных, причем в лагерях одновременно оказались военнослужащие четырех армий – англичане, австралийцы, американцы и голландцы². Японские власти делали ставку на представителей азиатских народов, поэтому индийским и индонезийским военнопленным было предложено принести клятву верности императору. Часть из них не согласилась, однако другая часть выполнила это условие, после чего они были рекрутированы во вспомогательные военные отряды *хэй-хо*³, которые среди прочего занимались охраной лагерей для военнопленных и интернированных.

К 1942 г. на территории Голландской Ост-Индии проживало порядка 300 000 граждан Нидерландов, и с приходом японской армии значительная часть из них была заключена в лагеря для интернированных. Ни на одной другой территории, оккупированной японцами, число интернированных гражданских лиц не было так велико, как в Голландской Ост-Индии. Для содержания мужчин и женщин были созданы отдельные лагеря. Следующий важный факт заключается в том, что среди означенных граждан Голландии лишь треть (около 100 000) являлась собственно голландцами по рождению, две трети (около 200 000) состав-

² Формально это были лица с разным гражданством и юрисдикцией, что имело свои нюансы после войны в решении судеб бывших военнопленных из этих стран во взаимоотношениях с Японией [Hack, Blackburn, 2008, р. 2].

³ *Хэй-хо* (兵補) – военизированные отряды, предназначенные для несения вспомогательной службы, в которые рекрутировалось население Индонезии.

ляли группу так называемых *индиише*⁴, т. е. лица от смешанных браков [Kemperman, 2010, р. 164].

Индиише – довольно необычная по своей идентичности группа, у представителей которой чаще всего отец был голландец, а мать – индонезийка (хотя, безусловно, были и другие варианты и пропорции метисации). Они родились в Индонезии и жили своим укладом, отличавшимся от уклада голландцев, приезжавших временно на заработки из метрополии. При этом по закону они тоже являлись гражданами Нидерландов, хотя по большей части никогда не бывали в Европе. Это в корне отличается от прочих европейских колоний, например от Индии, где метисы от брака европейца (британца) и местной женщины не считались британцами. Большинство *индиише* считали себя европейцами, поскольку это давало им высокое положение в существовавшей до 1942 г. колониальной иерархии. Сторонников независимости Индонезии среди этой группы населения было чрезвычайно мало.

Японские оккупационные власти в рамках своих расовых представлений числили *индиише* среди азиатских народов. Формально они были гражданами Голландии, но их оставили на свободе, и японские власти прилагали немало усилий для того, чтобы убедить их пойти на сотрудничество. Однако со временем отношение к ним становилось все более подозрительным, поскольку большинство из них отказывалось от работы на японцев, многие в итоге подверглись заключению.

Не самым лучшим образом на судьбе *индиише* сказалось и окончание оккупации. В ходе войны 1946–1949 гг. несколько тысяч из них погибло в столкновениях со сторонниками республики [Frederick, 2012, р. 360]. Такая ситуация компрометировала власти молодого государства, поэтому президент Сукарно отдал приказ разместить голландцев и *индиише* во временных лагерях, дабы предотвратить насилие. Там они провели еще несколько лет – до 1949 г., когда большинство из них эмигрировало в далекую и малоизвестную для них Голландию. Не меньше проблем возникло и с депатриацией на родину бывших оккупантов, т. е. японцев. На момент капитуляции на архипелаге их оказалось более 300 000 человек – как военные, так и гражданское население [Heidebrink, 2010, р. 411]. У союзников было недостаточно средств для одномоментной их транспортировки, и процесс депатриации занял годы.

Таким образом, сам факт прихода японской армии в Индонезию наложился на очень сложную внутреннюю обстановку, и окончание оккупации не принесло сразу решения проблем ни для одной из групп населения. Наоборот, наступил период новых сложностей для каждой из них. Однако за прошедшие годы стала очевидной невозможность восстановления прежнего колониального порядка. Само это обстоятельство дало определенное преимущество сторонникам независимости в ходе борьбы с голландской армией в 1946–1949 гг. Что же касается групп, пострадавших в ходе периода оккупации (военнопленные и особенно интернированные граждане Нидерландов – голландцы и представители группы *индиише*), их положение облегчилось отнюдь не сразу, учитывая, что одно противостояние теперь сменилось другим, длившимся еще несколько лет.

Формально отношения между Японией и Голландией были восстановлены относительно быстро. Правительство Нидерландов еще в период оккупации подняло вопрос о компенсации военнопленным и интернированным, но Япония была не в состоянии выплачивать хоть сколько-нибудь серьезные суммы. В это время японское правительство ходатайствовало по поводу условно-досрочного освобождения некоторых осужденных за военные преступления, а в работе Токийского трибунала принимал участие голландский судья Берт Рёлинг, имевший право решающего голоса в принятии решения по этому вопросу [Locher-Scholten, 2010, р. 432].

⁴ Существует определенная трудность в терминологическом определении этой категории людей на русском языке. Применительно к ним на разных языках существуют следующие понятия – *Indo* или *Orang Indo* (индонез.), *Indische* или *Indische Nederlanders* (голланд.), *Indo people* или *Dutch-Indish* (англ.). Далее в тексте используется термин *индиише*, основанный на голландском варианте.

В итоге при посредничестве США было заключено соглашение Д. У. Стикера и С. Ёсида, где оговаривалась компенсация гражданам Нидерландов в размере 10 миллионов долларов. Сумма была не очень большая, но этот символический акт позволил ратифицировать в парламенте Нидерландов Сан-Францисский мирный договор.

Память о Второй мировой войне в Голландии можно разделить на память о немецкой оккупации метрополии и японской оккупации Индонезии. При этом метрополия не сразу приняла право на социальную память 300 000 голландцев и *индии* – самой большой социальной группы в Европе, хранившей память о войне на Тихом океане. В 1947 г. в Амстердаме был возведен временный монумент, в стене за которым были замурованы 11 урн с землей из мест казни жертв нацизма от каждой из провинций Нидерландов, а в 1950 г. был возведен постоянный памятник – Национальный монумент на площади Дам в Амстердаме, и в расположенной за ним стене на этот раз было замуровано уже 12 урн: последняя, двенадцатая, содержала землю из Индонезии. На рубеже 1960–1970-х гг. память о войне на Тихом океане вышла в широкое общественное пространство. Были организованы встречи бывших голландских военнопленных, а в 1970 г. впервые проведены мероприятия памяти жертв японской оккупации, на которых присутствовали члены королевской семьи и представители правительства.

В 1971 г. император Хирохито посетил Нидерланды. Однако накануне поднялась серьезная волна дискуссий об ответственности Японии и лично императора за преступления той поры. Бывший военнопленный, а теперь актер Вим Кан развернул кампанию против этого визита, и правительству пришлось понизить статус визита с государственного до частного. Но пребывание Хирохито в стране все же было омрачено рядом инцидентов, среди которых самым унизительным было публичное сожжение японского флага [Buchheim, 2015, р. 110]. Ответный визит правящей королевы в Японию не смог состояться в годы правления Хирохито, и на его похоронах в 1989 г. не было ни одного представителя правящего дома. При этом королева Беатрикс сочла необходимым присутствовать на церемонии открытия памятника жертвам войны в Голландской Ост-Индии, установленного в Гааге в 1988 г.

В 1991 г. Нидерланды посетил премьер-министр Кайфу Тосики. Он возложил венок к этому монументу и выразил сожаление по поводу страданий голландцев, но и этот визит сопровождался некоторыми инцидентами. Однако в дальнейшем взаимные усилия по примирению все же дали результат. С восшествием на престол в Японии императора Акихито ситуация улучшилась естественным образом. Новый император не ассоциировался с военными преступлениями, что давало возможность развивать августейшую дипломатию, не раздражая общественность: в 1991 г. королева Беатрикс с семьей посетила Японию, что было сделано при полном согласии с общественными организациями, представлявшими интересы граждан, выходцев из Голландской Ост-Индии.

После этого началась подготовка ответного визита, в преддверии которого сотрудники японского посольства и представители общественной организации *Платформа индии*⁵ обсуждали наболевшие вопросы. В итоге приуроченный к 400-летнему юбилею японо-голландских отношений визит императора Акихито состоялся в 2000 г. и прошел без эксцессов⁶.

Символическое примирение со временем продолжилось и на уровне общественности двух стран. Ближе к концу XX в. регулярной практикой стали поездки по линии основанного еще в 1986 г. Дольфом Винклером *Фонда бывших военнопленных в Японии и их родственников*⁷. Винклер выступил с инициативой построить памятник военнопленным в Мидзумаки, на угольных шахтах которого трудилось и погибло много голландских военнопленных⁸. При этом он пытался также убедить и бывших военнопленных пересмотреть свое мнение

⁵ *Stichting Indisch Platform*. URL: <https://indischplatform.nl/>.

⁶ В 1600 г. к берегам Японии прибыло первое голландское судно «Лифде», члены которого были удостоены аудиенции у Токугава Иэясу. Это событие послужило началом двусторонних отношений.

⁷ EKNJ – *Stichting Ex-Krijgsgevangenen en Nabestaanden Japan*.

⁸ Памятник был возведен в 1987 г.

о японцах как о главных врагах, поскольку за прошедшее время ситуация изменилась, и в стране выросли новые поколения, воспитанные в духе пацифизма. В этой связи он полагал необходимым организовать поездки бывших военнопленных в Японию, дабы улучшить взаимопонимание и преодолеть трагический опыт военного времени [Buchheim, 2015, р. 112].

Мемориал в г. Мидзумаки стал точкой отсчета для этих туров, а заканчивались они в Парке мира в г. Нагасаки – городе, связанном с началом голландо-японских отношений и являющимся также символом мира. Со временем в организации и финансировании этих поездок стал участвовать МИД Японии.

Сложившийся благоприятный тренд в отношениях стран позволил выяснить проблему людей, пожалуй, с наиболее сложной травмой. Речь идет о людях, рожденных в отношениях между японскими военнослужащими и женщинами *индии* в годы оккупации Индонезии⁹. В данном случае речь не только о солдатах и офицерах императорской армии – подобные случаи происходили также и со служащими Кэмпайтай, и просто с гражданскими чиновниками. Причины вступления в подобную связь со стороны женщин были разными: были случаи желания получить покровительство, но были и многочисленные случаи союзов по любви. Эти связи жесточайше порицались с обеих сторон. На данный момент есть около 800 подтвержденных случаев рождения в этих отношениях детей, но существуют предположения, доводящие эту цифру до 8 000 [Ibid., р. 108].

В послевоенные годы многие из этих женщин эмигрировали в Европу со своими детьми. Но и там они хранили тайну отцовства и от самих детей, и от окружающих (хотя были и исключения). Японцы были воплощением зла для голландцев, чья нормальная жизнь в Индонезии закончилась в 1942 г. Поэтому афишировать связь с японцем, пусть даже и в прошлом, в послевоенной Голландии среди людей, пострадавших в период оккупации, означало риск подвергнуться осуждению.

Прошло несколько десятилетий, пока эта тема стала звучать в публичном пространстве. Рожденные от отцов-японцев, достигнув зрелого возраста, осознанно интересовались своими корнями по отцовской линии. Среди них нашлись и те, кто не побоялся заявить об этом публично. Рожденная от японского отца Шери Ландежент сама оплатила поездку и отправилась в Японию в желании найти отца. Ее приезд широко освещался японскими СМИ. В дальнейшем было создано несколько организаций, в частности *JIN*¹⁰, которая начала поиск людей с похожей судьбой. С 1997 г. посольство Японии стало участвовать в организации поездок для них, причем уже не только для представителей первого поколения, но и для их детей, т. е. для внуков и внуек японцев [Ibid., р. 116]. Участие в установлении родственных связей принимали добровольцы, такие как, например, бывший японский ветеран Утияма Каору или общественница Йоко Ватануки-Хёйс [Ватануки-Хёйс Йоко, 2006]. Подобные поиски создают примирительное человеческое отношение, что сказывается на формировании взаимного образа.

Таким образом, взаимоотношения между Японией и Нидерландами за послевоенный период прошли несколько ипостасей. Сначала две страны, ослабленные войной, нашли способ официально признать итоги войны и согласиться на символическую компенсацию. Затем, в 1970-е гг. выходцы из Голландской Ост-Индии добились от собственного правительства признания для себя права памяти о пережитом ими, что воплотилось в отдельном монументе в Гааге, которая стала своеобразной столицей для приехавших в страну из Индонезии. Возможность влиять на политиков и представителей правящего дома привела к тому, что их позиция учитывалась при нормализации отношений с Японией. В итоге диалог между двумя странами разился и на уровне общественности, что привело к примирительным проектам, дающим возможность бывшим военнопленным и представителям группы японо-индонезийцев посетить Японию.

⁹ В англоязычной историографии их называют *Japanese-Indish* [Buchheim, 2015].

¹⁰ *JIN* – (голл. Japans Indische Nakomelingen) – Дети японцев и *индии*. URL: <https://www.jin-info.nl/>.

Несмотря на множество сложностей, установление отношений Японии с Индонезией происходило не так драматично, как с Республикой Корея или КНР. Во-первых, оккупация Индонезии длилась немногим более трех лет. Во-вторых, оккупация сменилась периодом борьбы за независимость, и именно она обрела решающее значение в памяти граждан страны¹¹. Кроме того, руководство государств Юго-Восточной Азии (ЮВА) в 1950–1960-е гг. не желало политизации регионального сотрудничества, делая ставку на развитие именно экономических связей. В этой связи заключение соглашений о компенсации ущерба и последовавший за этим приход японского бизнеса в регион оказали позитивное влияние на экономику. В свою очередь, Япония приложила много усилий для восстановления собственного реноме в странах ЮВА, в том числе и в Индонезии¹².

В 14-й статье Сан-Францисского договора констатировалась обязанность Японии компенсировать ущерб за годы войны, однако там же признавалось, что в настоящее время ресурсы страны совершенно недостаточны, чтобы выплатить reparations сразу в должном объеме¹³. Это не устраивало многие страны, в том числе и Индонезию. Многие политические партии молодой республики полагали, что этот договор продиктован США и что его подписание не соответствует национальным интересам. В итоге договор был подписан, но не был ратифицирован. Это означало, что переговоры по наиболее важным вопросам были еще впереди. Процесс занял несколько лет¹⁴ и был завершен в 1958 г., когда в Джакарте было подписано и ратифицировано соглашение, по которому состояние войны заканчивалось и устанавливались дипотношения. В нем также подчеркивалась невозможность восполнить ущерб от военных действий, но фиксировалось выделение компенсации в виде товаров и услуг на сумму 223 млн долларов, передаваемую в течение 12 лет¹⁵. Эта сумма была невелика, но необходима экономике молодой страны: в Индонезию пришел вполне технологичный и динамичный бизнес, выбравший эту страну как своего рода фаворита в регионе ЮВА [Ковригин, 2014, с. 51]. Выделенные средства пошли на поддержку строительства новых инфраструктурных объектов¹⁶. К дополнительным факторам, влиявшим на двусторонние отношения, следует добавить личные симпатии Сукарно к Японии и его частые визиты в эту страну – 11 за период с 1958 по 1964 г.¹⁷ [Frederick, 2010, p. 463].

Приход к власти нового президента, Сухарто, не привел к заметным изменениям в оценках периода японской оккупации ни в официальной позиции, ни в общественном восприятии. Однако начиная с 1970-х гг. сюжеты, связанные с судьбами *ро:муся* и других пострадавших, стали занимать свое место в общественном пространстве. В 1972 г. на экраны страны должен был выйти фильм «Ромуся», отражающий не только страдания мобилизованных рабочих, но и насилие в отношении так называемых женщин для утешения – *ианфу*. Фильм был изъят

¹¹ Следует обратить внимание на то, что большинство памятников в Индонезии, таких, например, как Национальный монумент независимости (Монас), посвящены не периоду японской оккупации, а именно периоду Войны за независимость 1945–1949 гг., когда индонезийцы сражались с голландскими войсками. Это в корне отличается от ситуации в соседнем Сингапуре, где фактом, лежащим в основе нынешней идентичности, является борьба с японской армией, чему посвящен главный монумент, установленный в центральной части города.

¹² Помимо договора с Индонезией, соответствующие соглашения в эти годы были заключены с Бирмой, Филиппинами, Таиландом, Малайзией, Сингапуром.

¹³ *San-Francisco Peace Treaty*. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20136/volume-136-I-1832-English.pdf>

¹⁴ Интересно отметить, что переговорный процесс вели с индонезийской стороны политики, начавшие свою карьеру в годы оккупации, – Мохаммад Хатта, Ахмад Субарджо, Адам Малик, а с японской – в прошлом военнослужащие или сотрудники спецслужб, работавшие в те же годы на индонезийском направлении, – Нисидзима Сигэтада, Симидзу Хитоси, Маэда Тадаси.

¹⁵ *Treaty of Peace between Japan and the Republic of Indonesia*, January 20, 1958. URL: [https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/treaty/pdfs/A-S38\(2\)-107.pdf](https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/treaty/pdfs/A-S38(2)-107.pdf)

¹⁶ Одним из таких объектов стал известный универмаг Сарина (Sarinah) в Джакарте. Строительство этого здания, осуществляемое компанией Обаяси, задавало новый формат для городской инфраструктуры – первое высотное здание, торговый центр с кондиционерами и эскалаторами фирмы «Хитати» и т. д.

¹⁷ Кроме этого следует отметить и личное увлечение Сукарно японской бизнес-леди по имени Нэмото Наоки, ставшей его супругой под именем Ратна Сари Дэви Сукарно.

из проката из-за нежелания портить отношения с Японией. Кроме того, причиной снятия с проката стало и то, что в фильме неприглядным образом изображены также и индонезийцы, проявляющие жестокость по отношению к своим соотечественникам [Frederick, 2010, p. 464–465].

В начале 1990-х гг. на волне обсуждения, поднявшейся в связи с судьбами жертв войны в Азии, Республике Корея и на Филиппинах, бывшие *ро:муся* и женщины для утешения в Индонезии также стали создавать свои сообщества и пытаться рассказать о своем опыте. В 1997 г. официальный Токио принес извинения бывшим индонезийским женщинам-ианфу, и через Фонд азиатских женщин¹⁸ было переведено 370 млн долларов¹⁹.

Еще одна группа людей с тяжелой судьбой – японские военнослужащие, оставшиеся в Индонезии после окончания войны и принявшие участие в борьбе за независимость страны. Их причисляют к так называемым *дзанрю*: *ниппонхэй* – 残留日本兵²⁰. Их численность, по разным оценкам, колеблется от 800 до 3 000 человек. Мотивация их действий была очень разная. Некоторые из них остались по личным причинам. Другие таким удивительным способом переосмыслили идею борьбы с западными колонизаторами. Третья же опасались судебного преследования. Так, например, Хасан Танака (Танака Тосио), в прошлом сотрудник Кэмпэйтай в г. Семаранг, присоединился к индонезийскому ополчению, поскольку опасался преследования со стороны голландских властей. Абдул Рахман (Итики Тацуо) не вернулся на родину, полагая, что правительство его страны предало идеи борьбы с западными колонизаторами (он погиб в бою с голландцами в 1949 г.).

Порядка 800 *дзанрю:ся* вступили в ряды индонезийской армии и воевали против голландских войск в 1946–1949 гг. Около 250 человек из них погибли в боях. Уцелевшие впоследствии не только получили гражданство Индонезии, но также награды и звание Национального героя Индонезии. Несколько десятков человек, получивших это звание, были похоронены на мемориальном воинском кладбище Калибата в Джакарте.

Как и для многих групп жертв войны, временем, когда *дзанрю:ся* стали заявлять о себе, явились 1970–1980-е гг. Инициатором сбора информации и объединения этих людей был Иси Масахару. После окончания войны за независимость он остался в стране и написал мемуары, приложив много усилий к тому, чтобы опыт его товарищей был зафиксирован и признан [Иси Масахару, 1990]. В 1979 г. в Джакарте он создал общественную организацию *Яясан варга персарабатан*²¹ и стал через нее обращаться к бывшим соотечественникам, японцам, с призывом понять те причины, по которым ему и его друзьям пришлось остаться в Индонезии. В Японии через контакты с влиятельными представителями общественности информация о них была доведена до членов императорской семьи. В итоге в 1991 г. с них был снят статус дезертира, и многие даже смогли получать японскую пенсию, а в 1996 г. некоторые из них получили награды из рук императора Акихито в Токио.

Очередная волна внимания к этим людям поднялась в связи с визитом нынешнего императора Нарухито и его супруги, императрицы Митико в Индонезию летом 2023 г. Они посетили мемориальное кладбище Калибата, где возложили венок в память о похороненных там японцах, после чего совершили поездку по стране, в которой их сопровождал Хэрю Сантосо – потомок *дзанрю:ся* Ситио. Освещение августейшего визита в Индонезию²² в японских медиа

¹⁸ Фонд азиатских женщин (財団法人女性のためのアジア平和国民基金 *Дзайдан:дин дзёсэй но тамэ но адзиа хэйва кокумин кикин*). URL: <https://awf.or.jp/preface.htm/>.

¹⁹ Japan's divisive 'comfort women' fund. *BBC News*, Tokyo 10 April 2007. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/asia-pacific/6530197.stm/>.

²⁰ Этим термином обозначают японских военнослужащих, не вернувшихся в Японию после 1945 г. Чаще всего речь идет о тех, кто, не желая сдаваться, продолжил партизанские действия. Однако в данном случае речь о тех, кто остался в Индонезии вполне легально и принял участие в войне за независимость.

²¹ *Yayasan warga persahabatan / 福祉友の会*. URL: <https://ja.ywp-indonesia.org/tentang-kami/>.

²² 残留日本兵らも眠る墓地に花を供え。朝日新聞 2023.06.20. URL: <https://www.asahi.com/articles/ASR6N5QFVR6UTIL019.html>

сопровождалось рассказами о судьбах *дзанрю:ся* и их потомков, в последствии было также снято несколько фильмов о них²³.

Фонд *Фукуси томо но кай* существует и сейчас, помогая потомкам *дзанрю:ся* во втором, третьем и даже четвертом поколении получить образование в Индонезии или Японии. Сами же эти потомки собирают и издают материалы, посвященные своим японским предкам, и рассказывают о них гостям из Японии в своей штаб-квартире в Джакарте [Индонэсия докурицу..., 2005] Хотя большинство из них уже не знает японский язык, память о японских предках остается существенным элементом их индонезийской идентичности.

Таким образом, благоприятное стечание ряда обстоятельств после войны, экономическая конъюнктура и благожелательность руководства Индонезии стали факторами, снижающими остроту восприятия событий периода оккупации. В общественном сознании более актуальной стала мемориализация борьбы с голландцами в конце 1940-х гг. – большинство памятников и монументов фиксирует именно это обстоятельство. Вопросы исторической памяти, связанные с судьбами *ро:муся* и *ианфу*, фактически не фигурируют на межгосударственном уровне, при этом признание проблемы и выплаты компенсации за нее в последнее время были предприняты японской стороной. Положение японских *дзанрю:ся* в Индонезии также нормализовалось и получило общественное признание и на их родине, подтверждением чему стало общение нынешнего императора с их потомками во время визита в 2023 г.

Как уже было сказано, в отличие от соседних стран – Китая и Республики Корея, отношения Японии со странами Юго-Восточной Азии и странами, бывшими колонизаторами в этом регионе, в послевоенное время в целом развивались в примирительном русле. Это не означает, что ужасы военного времени забыты. Правильный, естественный ход событий предполагает признание вины и взятие на себя ответственности, с одной стороны, и, что не менее важно, принятие этих извинений, с другой. Именно вышеозначенная последовательность, а также естественное течение времени минимизируют травму и дают возможность людям, пережившим ее, получить отклик и понимание в обществе, что в конечном счете можно наблюдать в диалоге Японии со столь разными странами, как Нидерланды и Индонезия. Благоприятная политическая и экономическая конъюнктура также стали факторами, снижающими остроту восприятия событий прошлого.

Диалог, начавшийся на правительственном уровне, продолжился на уровне общественном. Особенно начиная с 1970-х гг. в публичное пространство этих стран вышли проблемы, связанные с судьбами прошедших военный плен и лагеря для интернированных. Получили признание и обсуждение также проблемы *индиише* и людей, рожденных в квазибрачных союзах между японскими военнослужащими и женщинами голландо-индонезийского происхождения. Проблема оставшихся в Индонезии бывших японских военных и снятие с них исторической вины также нашла свое место в общественном пространстве Японии. Так или иначе, группы людей, пострадавших в годы войны, получили не только общественное признание, но и возможность сохранить общественную память о своей травме и передать эту память следующим поколениям.

Список литературы

- Вельцер Х.** История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 40–41.
- Ковригин Е. Б.** Япония – АСЕАН: Эволюция официальной помощи развитию // Пространственная экономика. 2014. № 2. С. 40–74.
- Buchheim E.** Enabling Remembrance: Japanese-Indisch Descendants Visit Japan // History and Memory. 2015. Vol. 27, no. 2. P. 104–125.

²³ 祖父への旅 80 年後の傷痕: インドネシア残留日本兵と子孫 NHK. URL: <https://www.nhk.jp/p/bssp/ts/6NMMPMNK5K/episode/te/99LZXWZ37K/>

- Frederick W.** Indonesian Views // *The Encyclopedia of Indonesia in the Pacific War*. Leiden; Boston: Brill, 2010. P. 455–468.
- Frederick W.** The killing of Dutch and Eurasians in Indonesia's national revolution (1945–49): a 'brief genocide' reconsidered // *Journal of Genocide Research*. 2012. Vol. 14, no. 3–4. P. 359–380.
- Hack H., Blackburn K.** Japanese-occupied Asia from 1941 to 1945: one occupier, many captivities and memories // *Forgotten Captives in Japanese-Occupied Asia*. London; New York: Routledge, 2008. P. 1–20.
- Heidebrink I.** Military tribunals in the Netherlands East Indies // *The Encyclopedia of Indonesia in the Pacific War*. Leiden; Boston: Brill, 2010. P. 411–421.
- Kemperman J.** Internment of Civilians // *The Encyclopedia of Indonesia in the Pacific War*. Leiden; Boston: Brill, 2010. P. 163–173.
- Locher-Scholten E.** Dutch Postwar Visions // *The Encyclopedia of Indonesia in the Pacific War*. Leiden; Boston: Brill, 2010. P. 430–439.
- Ватануки-Хёйс Йоко.** Ватаси ва дарэ но ко? Тити о сагасимотомэру никкэй нисэй оранда хитотати [綿貫ハユス・葉子。わたしは誰の子? 父を捜し求める日系二世オランダ人たち]. Отец, кто ты? Второе поколение голландских японцев ищет своих отцов. Токио: Насинокися, 1983. 179 с. (на яп. яз.)
- Индонэсия докурицу сэнсо: ни санка сита каэрранакатта ниппонхэй. Итисэнмэй но коэ. [インドネシア独立戦争に参加した「帰らなかつた日本兵」、一千名の声]. Тысяча голосов: не вернувшиеся домой японские солдаты, сражавшиеся в войне за независимость Индонезии. Джакарта: Фонд Ясан варга персахабатан, 2005. 400 с. (на яп. яз.)
- Ишии Масахару.** Минами кара. Индонесия дзанрю: мотониппонхэй но кайсо: [石井正治。南から。インドネシア残留元日本兵の回想]. С юга. Воспоминания бывшего японского военного, оставшегося в Индонезии. Токио: Нисида сётэн, 1990. 248 с. (на яп. яз.)

References

- Buchheim E.** Enabling Remembrance: Japanese-Indisch Descendants Visit Japan. *History and Memory*, 2015, vol. 27, no. 2, pp. 104–125.
- Frederick W.** Indonesian Views. In: *The Encyclopedia of Indonesia in the Pacific War*. Leiden, Boston, Brill, 2010, pp. 455–468.
- Frederick W.** The killing of Dutch and Eurasians in Indonesia's national revolution (1945–49): a 'brief genocide' Reconsidered. *Journal of Genocide Research*, 2012, vol. 14, no. 3–4. pp. 359–380.
- Hack H., Blackburn K.** Japanese-occupied Asia from 1941 to 1945: one occupier, many captivities and memories. In: *Forgotten Captives in Japanese-Occupied Asia*. London, New York, Routledge, 2008, pp. 1–20.
- Heidebrink I.** Military tribunals in the Netherlands East Indies. In: *The Encyclopedia of Indonesia in the Pacific War*. Leiden, Boston, Brill, 2010, pp. 411–421.
- Indonesia dokuritsu senso: ni sanka shita kaeranakatta nipponhei. Itisenmei no koe [インドネシア独立戦争に参加した「帰らなかつた日本兵」、一千名の声]. Voices of 1,000 Japanese soldiers who did not return from the Indonesian War of Independence. Jakarta, Yayasan warga persahabatan, 2005, 400 p. (in Jap.)
- Ishii Masaharu.** Minami kara. Indonesia zanryu: motonipponhei no kaiso: [石井正治。南から。インドネシア残留元日本兵の回想]. From the south. Recollections of a former Japanese soldier remaining in Indonesia. Tokyo, Nishida shoten, 1990, 248 p. (in Jap.)
- Kemperman J.** Internment of Civilians. In: *The Encyclopedia of Indonesia in the Pacific War*. Leiden, Boston, Brill, 2010, pp. 163–173.

- Kovrigin E. B.** Yaponiya – ASEAN: Evolyutsiya ofitsialnoi pomoschi razvitiyu [Japan – ASEAN: ODA evolution]. *Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics]*, 2014, no. 2, pp. 40–74. (in Russ.)
- Locher-Scholten E.** Dutch Postwar Visions. In: The Encyclopedia of Indonesia in the Pacific War. Leiden, Boston, Brill, 2010, pp. 430–439.
- Watanuki-Huijs Yo:ko.** Watashi wa dare no ko? Chichi wo sagashite nikkei nisei oranda hitotati [綿貫ハユス・葉子。わたしは誰の子? 父を捜し求める日系二世オランダ人たち]. Who is my father? Second generation of the Dutch-Japanese search for their fathers. Tokyo, Nashinokisha, 2006, 179 p. (in Jap.)
- Welzer H.** Iстория, памят' и современность прошлого. Памят' как арена политической борьбы [History, memory and the present of the past. History as arena for political struggle]. *Neprikosnovennyi zapas [An Inviolable Reserve]*, 2005, no. 2–3, pp. 40–41. (in Russ.)

Информация об авторе

Сергей Викторович Гришацев, кандидат исторических наук, доцент

Scopus Author ID 57220929935

WoS Researcher ID T-3052-2017

RSCI Author ID 304163

SPIN 9759-8573

Information about the Author

Sergey V. Grishachev, Candidate of Sciences (History), Associate Professor

Scopus Author ID 57220929935

WoS Researcher ID T-3052-2017

RSCI Author ID 304163

SPIN 9759-8573

Статья поступила в редакцию 30.07.2025;
одобрена после рецензирования 29.08.2025; принята к публикации 10.10.2025
The article was submitted on 30.07.2025;
approved after reviewing on 29.08.2025; accepted for publication on 10.10.2025